

АНДРЕЙ ДМИТРУК

ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА

Андрей Дмитрук

ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дмитрук А.

**ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА / А. Дмитрук — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,**

Утопия. Возрождение большой семьи-рода, где живут вместе несколько поколений. Семьи без родителей. Союз живой девушки и виртуального образа. Новая община амазонок, ашрам в древнеиндийском духе и мегаполис-музей, где правит сверхинтеллектуальный ребёнок... Всё это — реальность Земли через триста лет. Авантюрный сюжет, напряжённое действие.

© Дмитрук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	5
НАСТАВНИЦА В ЛЮБВИ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Дмитрук

ВЕТВИ БОЛЬШОГО ДОМА

Фантастическая повесть

ПРОЛОГ

ОДНИ ПОСРЕДИ ОКЕАНА

«8 августа. 14 часов 51 минута восточного стандартного времени. Высота Солнца 68 10'5». Координаты: 5 29' южной широты, 116 14' западной долготы. За истекшие сутки пройдено 58 миль.»

Окончив писать, Петр подул на страницу, – чернила высохли не сразу, – поставил ручку в бамбуковый стаканчик, прикрепленный к столу, закрыл журнал, положил его в ящик и запер на ключ. Здесь аккуратность была абсолютно необходимой. Если бы они не закрепляли и не прятали мелкие предметы, первый же удар волны привел бы к хаосу.

Петр поправил белый платок, которым была повязана его голова, и вышел на палубу. Строго говоря, он мог бы еще отдохнуть, – до вахты оставалось более двух часов, – но душу не покидало смутное беспокойство. Как будто во время его короткого отдыха могло случиться непоправимое.

За месяцы плавания Петр настолько привык к качке, что теперь ноги сами, независимо от сознания, пружинили на пляшущем помосте, а тело принимало нужный наклон. Залитый солнечным золотом плот двигался вперевалку, качая бортами, задирая то нос, то корму. Плот увесисто хлопал по воде, белые пенные языки выхлестывали сквозь щели между бревнами, трехслойная связка бальсовых стволов зыбилась, точно клавиатура под незримыми пальцами, – и все же складывалось впечатление, что судно стоит на месте. Полтора месяца – с тех пор, как окончательно утонул южноамериканский берег, – вокруг было строгое кольцо морского горизонта. На мачте, сколоченной в виде циркуля, надувался и опадал холщовый грот¹; рулевой вцеплялся в тугой штурвал, прочие колдовали с такелажем², – плот неизменно покоился в центре мироздания. Океан, накрытый жарким куполом, повторял древние модели Вселенной, чудовищные часовые механизмы, где под скрежет тайных колес ползут нарисованные созвездия, безумное Солнце в огненных космах, кривой Месяц с улыбкой скряги... Ночью бревна скрипят и ноют, будто заржавевшее полушарие Земли проворачивается, выволакивая за хвост Большую Медведицу... но нет, с ней не справиться, засела крепко, лишь три звезды на виду.

Сейчас плот шел хорошо, точно по ветру. Штурвал был закреплен, крашенная алым средняя спица наверху. Разумеется, при таком положении дел за рулевого могла стоять Бригита; она и стояла, расставив пошире сильные ноги, с наклейкой на носу. Это Нгале дразнил ее вчера, что нос облупился.

Вдруг решив, что Нгале не худо было бы подтянуть, с его вечными шуточками и зубокальством, Петр закричал:

– Слепой, что ли?! Не видишь, рыскает! А ну...

Тому не надо было долго объяснять. Только что сидел у самого планширя³, вспарывая брюха пойманным рыбам, – и вот уже, зверино ловкий, облитый шоколадной глазурью, ослаб-

¹ Г р о т – нижний прямой парус на грот-мачте (в данном случае, на передней).

² Т а к е л а ж – все снасти на судне.

³ П л а н ш и р ь – в данном случае брус, барьером огораживающий борт.

ляет парус. Все правильно. Впрочем, не надо было бросать на палубу кривой малайский нож. Может смыть.

Проходя по палубе, Петр в очередной раз покосился на круглые ягодицы и крепкую загорелую спину Бригиты. Возможно, девчонка была бы не против уединиться с ним или с Нгале – на корме за каютой, штилевой звездною ночью. Но... Положение сложилось бы прелюбовое. Один пользуется благами жизни, другой терпит. А потом как? Поменяться ролями? А если Бригита взбунтуется? Или счастливому избраннику не захочется «отдавать» возлюбленную? Здесь, на деревянных клавишах над бездной, всякая ссора губительна.

Ветер продолжал дуть наполненно и ровно, грот больше не тревожил Петра. Правда, осталось то необъяснимое беспокойство, точно саднящая боль, – но от него все равно нельзя было избавиться, и «капитан» дал команду обедать.

Как обычно при хорошей погоде, расположились на помосте между входом в каюту и грот-мачтой. Бригита выложила на блюдо куски жаренного утром тунца. К сему была подана еда инков: шарики из мокрой ячменной муки – мачики, сушеный картофель – кумара, а на закуску сахар-сырец с черною патокой, называемый чанкака. Запивали всю эту поднадоевшую снедь водой, хранившейся в пустотелых тыквах. Кокосовые орехи Петр приказал беречь: Бригита и Нгале, обожавшие млечный сок, уже в первую декаду плаванья ухитрились истребить половину запаса...

Изю всех действий, постоянно повторявшихся на плоту, не приедалось лишь одно – послеобеденный ритуал кормления акул. Поев, мореплаватели отправились на корму, присели на корточки и стали колотить мисками по бревнам. Немедленно из мутно-зеленой глубины поднялась, трепеща множеством плавников, сигара в два человеческих роста. Раскрыла рот; сильно выгнутая пила зубов почти касалась пуговично-бесстрастных глаз. Собственно, акулы никогда и не отставали от плота, шли за ним сотни и тысячи километров. Они были идеальными мусорщиками, подбиравшими все, что падало за борт, – но стук мисок вызывал особую жадность. И свежая, и жареная рыба портились через несколько часов; поэтому, съев лучшие части тунца или макрели, ребята бросали остальное своим молчаливым, как смерть, спутникам.

Вопреки тому, что писали классики об акулах, человека они не трогали. Вот и сейчас: вывалив объедки и прополоскав посуду, так что дымка разошлась в воде, Бригита шаловливо опускает за борт ступню. Хищница, всплывшая первой, даже не делает попыток приблизиться, висит на месте, мощно работая плавниками. Был случай, когда Нгале тянул левый брас⁴; внезапный натиск ветра повернул рею, и «помощник капитана» оказался среди волн. Снасть, правда, не отпустил, – но минут десять ушло на то, чтобы вытащить Нгале, и все это время вокруг него вертелись два высоких спинных плавника... Неужели они настолько умны, что понимают: экипаж плота можно съесть лишь однажды, а живые мореходы будут подкармливать регулярно? Петр не удивился бы, узнав об этом. В любом случае, какое-то диковинное уважение сдерживает кошмарных тварей, с их глазами чучел и ртом «человека, который смеется». Кто и когда внушил его акульему роду?..

К четырем часам пополудни ветер сменил направление и усилился. Начали оправдываться темные предчувствия Петра. Вместе с Нгале он зарифил⁵ грот, – при такой погоде было достаточно кливера⁶ и бизани⁷. Штурвал освободили, «капитан» самолично встал за него, поскольку сейчас могли понадобиться и мастерство, и мышечная сила. Тяжелый руль, сделанный из мангрового дерева, становился все более капризным, но до поры удавалось идти в бей-

⁴ Б р а с – снасть, служащая для поворачивания реи в горизонтальной плоскости.

⁵ З а р и ф и т ь – уменьшить площадь паруса.

⁶ К л и в е р – передний треугольный косой парус.

⁷ Б и з а н ь – косой парус на задней мачте.

девинд⁸. В ящике перед штурвалом дрожала стрелка большого компаса, чуя близкое бешенство стихий. Очевидно, некие душевные струны Петра были сродни земному магнетизму...

Черта горизонта расплывалась впереди по курсу, там накапливался скверный желтый туман. Несмотря на зловещие предзнаменования, морская живность играла вокруг плота: дельфины гонялись за летучими рыбами, и те, словно синие стрекозы над прудом, расчерчивали небо вокруг мачт. Бац! Одна из оперенных стрел натыкалась на упругий шест, падала и начинала панически биться на помосте. Бригита привычным движением стучала рыбу головой о палубу, швыряла в корзину.

Кончились часы беспечности. То, что еще недавно выглядело рыхлым туманом, теперь сгустилось, стало плотнее, сплошным массивом от моря до неба тронулось навстречу. В последний раз циркачи-дельфины показали мокрые лоснящиеся горбы – и ушли себе в глубину, где покой, подальше от наваливающейся беды.

Все, пошло веселье! Со звуками ружейной стрельбы встали дыбом сухие банановые листья на крыше каюты. Мор запестрело кипящими гребнями, воздух сделался сырым и липким, будто холодными руками схватил за разгоряченные плечи. Долой грот – он и зарифленный принимает на себя слишком много ветра! Нгале берется за правый нирал⁹, Бригита за левый... Что за черт! Она дергает изо всех сил, она плачет, она размазывает по лицу слезы и кровь, – ладонь содрана до живого мяса...

Литого свинцового стекла, ростом с двухэтажный дом стена лениво вспучивается перед бушпритом¹⁰. Хотя и не первый это шторм на пути, но все равно каждый раз обрывается сердце: сейчас рухнет жидкая громада и разметет хлипкие бревнышки по яростному морю... Точно в аквариуме, в недрах вала виден мечущийся толстый тунец.

Наехав, подмяла пахнувшая йодом, необоримая масса; оглушил грохот. Петр до боли вцепился в штурвальное колесо – только бы не оторвало, не выметнуло прочь! Когда тяжесть стала невыносимой и удушье колом вонзилось под ребра, – схлынула волна. Пощадила. Осела грузно, ушла в зазоры помоста.

Плот вертело и раскачивало все сильнее, несло на зюйд-вест, обратно к берегам Южной Америки. «Команда» до сих пор билась над застрывшим ниралом – не могут догадаться, безмозглые...

– Блок! – завопил Петр, тыча пальцем вверх, в сторону реи. Ну, разумеется, верх нирала застрял в блоке – тут можно руки оборвать, ничего не сделаешь. Надо лезть по вантам¹¹ и освобождать проклятую веревку. Вот, Нгале так и делает... Осторожно! Хотя ты, брат, и ловчее всех обезьян, – но уже вздымается, хищно изгибая верхушку, волна повыше прежних...

К вечеру, против всех надежд, погода не утомилась. Низкое солнце кровоточило сквозь грубые бинты туч. Мужчины сделали все, чтобы уменьшить парусность: до предела зарифили бизань, убрали кливер. Извлечены были на палубу выдвижные кили. Бригита, освобожденная от работ, тихонько постанывала, втирая в ладони индейский бальзам.

В сумеречной полумгле, в столбах водяной пыли уже не шторм – единый ревущий поток бесповоротно сносил их к давно оставленной широте порта Гуаякиль. Шел насмарку полуторамесячный каторжный труд. Леденящий, вовсе не тропический ливень наотмашь сек по плечам и лицам.

– ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО СПРАВИТЕСЬ?

⁸ Б е й д е в и н д – курс парусного судна при встречно-боковом ветре.

⁹ Н и р а л – снасть, служащая для опускания паруса при его уборке.

¹⁰ Б у ш п р и т – брус, выдающийся с носа судна.

¹¹ В а н т ы – снасти судового стоячего такелажа, раскрепляющие к бортам мачты и стеньги.

Ну, а это уж совершенно некстати – Бригита вполне может сдрейфить... Ровное сияние разливается по бушующим волнам. И они стихают, словно звери на арене под ладонью дрессировщика, и покорно ложатся в круге мягкого золотистого света.

– У ВАС ДО СИХ ПОР НИ ОДНОГО МИНУСА, А ПОЛОВИНА ПУТИ ПРОЙДЕНА...

Держа плот в конусе рассеянного луча, висела над головами спасательная платформа, и робот-наблюдатель вещал с него голосом сказочного великана опасные, утешительные истины.

...Нельзя, нельзя, родненькие вы мои, это стыдно! Все равно, что попросить сейчас разносолов у Всеобщего Распределителя или сунуть Бригитину руку в регенератор. Нельзя...

Слава Богу, роботу ответили единодушно и, пожалуй, даже слишком пылко.

Платформа с места набрала скорость и, стараясь не задеть крошечный плот фронтом перепада тяготения, улетела во мглу, будто случайно приبلудившаяся светозарная планетка.

– Ветер меняется! – опомнившись, загорланил Петр. – А ну, живо на грот!

НАСТАВНИЦА В ЛЮБВИ

Зовут меня Имант Нориньш, и родом я из Курземе. Там, неподалеку от города-памятника Вентспилса, на берегу реки Венты стоит наш Большой Дом. А лет четыреста тому назад на этом самом месте жил в своей хате старый Мартин, прямой предок бабушки Аустры. Впрочем, это мы по привычке его старым называем. Был Мартин силен и молод, когда налегал на плуг, идя за приземистой кобылкою, и была у «старого» Мартина здоровая круглолицая жена, фотография которой сохранилась, и пятеро чумазных пострелят бегало по его двору. Дети так и окончили жизнь крестьянами; ну, а уж внуков раскидало по белу свету. Одного из них, Арвида, занесло в самую Америку. Устроился там неплохо, – но до конца дней безумно тосковал по родной Венте и, не жалея денег, собирал курземские прялки, расписные сундуки, вышитые полотенца; а все свое состояние завещал латышскому землячеству в Нью-Йорке. Когда же в разных концах мира стали возникать Большие Дома, прапра... и так далее... внучка Арвида, наследница его антикварной коллекции Аустра Круминя отыскала под речными наносами остатки хаты старого Мартина, точнее – глиняный пол, и выстроила вокруг него главное здание, позднее названное Стволом. Аустра – моя прабабка. Она жива-здоровехонька и живет в Доме, который сама сработала. То есть, конечно, не своими руками, но с помощью усагров, универсальных строительных агрегатов.

Когда Аустра привела в свое жилище любимого человека, тот, понятное дело, спросил: почему у них такой странный дом, одноэтажный, круглый, с центральным залом и стыковочным устройством на крыше? Тогда моя прабабка объяснила возлюбленному идею Большого Дома. Тот не был в восторге, но все же лет пяток прожил с Аустрой. Потом они разошлись; ну, а троих своих детей наша родоначальница воспитала, как хотела. Дети выросли, обзавелись семьями; внуки тоже понаходили себе мужей и жен; настало время, когда на нижний этаж – комель – пришлось насаживать первую мутовку, квартирный узел со стыковочными устройствами с разных сторон, для будущих ветвей...

Сейчас Ствол, поднявшийся на полсотни метров, несет на себе шесть мутовок, в каждой – по две-три ветви. Расстояния между мутовками велики, – что ж, каждая семья имеет право на уединение и тишину. Всего в Доме обитает семьдесят семь человек, считая недавно родившуюся Инесу Кастельон, мою внучатую сестренку. Год назад я отделился от матери с отцом – вызвал усагр и соорудил себе хорошенькую веточку в той же мутовке, две звукоизолированные комнаты и шаровидную пристройку под мастерскую. Нет, я был слишком юн, чтобы заводить семейство, и при родителях мне жилось вполне уютно. Просто хотелось работать в одиночестве и на свободе. Я пытался восстановить громкозвучную медь, забытые духовые инструменты доэлектронной эры – гобои, бюгельгорны, саксорны...

Вообще-то я по склонности музыкант и акустик, но мне никогда не были чужды дела, общие для всего Дома. Я просто не могу стоять в стороне, когда настает мой черед нести взятку в улей бабушки Аустры. Да у нас и мудро было бы мне вырасти другим! Всеобщим Распределителем мы пользуемся только для того, чтобы получать вещи, которые не можем сделать сами. Теряют Распределитель, главным образом, девчонки, например, заказывая себе ко дню рождения «настоящее» (атомную копию музейного) платье Марии Антуанетты, или серьги с зелеными бриллиантами, или еще какую-нибудь, столь же бессмысленную мишуру.

Пищи синтезированной мы подавно не приемлем, и никто нас не уговорит, что она даже на уровне элементарных частиц подобна хлебу из пекарни или молоку из подойника. Еще лет трех от роду я помогал взрослым сажать огуречную рассаду, позднее – молоть проросший ячмень на солод для пива, делать домашний сыр и ухаживать за коровами. Но охотнее всего я ворошил сухую душистую траву в сенном сарае. Главными игрушками моими были всякого рода ушаты, корзины, лубяные кораба, лохани, корыта, – многие еще из коллекции Арвида.

Подростком я столь же увлеченно возился с микротракторами, с изящными, как часовые механизмы, машинами для беспашотной заделки семян; строил гнезда для пауков, защищавших наш сад от вредителей, и вводил ген быстрого роста молодым яблоням.

И не было на моей памяти ни одного жильца Дома, кроме работавших за пределами Кругов Обитания, кто не участвовал бы посильно в наших сельских хлопотах. Тетя Велта, например, обожала печь домашний хлеб, даже собрала для этого в своей семейной ветви настоящую крестьянскую печь. Ветвь увенчалась дымовой трубой!.. Родичи, склонные к иронии, даже говорили, что хлеб получается у тети намного лучше, чем плоды ее основной профессии – приборы для внепространственной связи. Как бы то ни было, на выпечку Велты сходились все, кто был к этому времени в Доме, и ждали, приняхиваясь, пока искусница вынесет на подносе золотистые теплые караваи – каждый с крестом, начерченным еще по сырому тесту сверху, как велит древний латышский обычай... Некоторые гости утверждали, что нами движет национальная домовитость: ничего подобного, все члены семьи, вышедшие из других народов, охотно включались в хозяйственную жизнь. Скажем, дедушка Жан-Этьен, зять Аустры, оставлял свои геотермальные воды, по которым он плавал в недрах Земли на маленьком сверхпрочном суденышке, и появлялся в Доме затем, чтобы дни и ночи просиживать над восстановлением старинного ткацкого стана. Сперва станки у него получались громоздкие и недолговечные. Потом однажды дедушка зазвал нас, младших детей, в свою ветвь и показал, к нашему ликованию, большущее мотовило, с визгом и стуком наматывавшее на себя пряжу с двух барабанов. Домочадцы дружно включились в дело: скоро у нас стали получаться отличные холсты – и в шесть, и в восемь нитей, гладкие, полосатые, клетчатые! Дальше – больше: мы перестали заказывать через Распределитель новые полотенца, одеяла, простыни, а там *и рубахи*...

На Ладожском озере, в региональном учебном городе, кроме своей же родни, я за много лет не встретил никого, кто происходил бы из Большого Дома. Наверное, во всем мире еще немного было таких Домов. Преобладали ребята, в самом учгороде и жившие, – родители изредка их навещали, – и, конечно, из традиционных малых семей. Однажды я запросил Великого Помощника, и он подтвердил мне, что и в нашем регионе, и на всей Земле, и вообще в Кругах большинство детей воспитывается у отца с матерью или у одного из них. Чуть поменьше детей росло прямо в учебных городах. Были детские сады при разных сообществах: на планетных исследовательских базах, космических станциях Кругов, в профессиональных коммунах, боттегах, ашрамах... В Больших Домах, действительно, пока рождалась и обитала буквально горстка ребят.

Меня, моих братьев и сестер, двоюродных и троюродных, племянников и племянниц как-то сразу стали выделять среди прочих. Говорили, что у нас особый характер – терпеливый, ровный, покладистый... «Ну, еще бы! – сказал мне однажды Арам Шахбазян, грубоватый парень, родившийся в десантном лагере на одной из новооткрытых планет. – Еще бы! Станешь тут терпеливым, когда вокруг тебя вечно толчется куча народу, и все старшие, и все командуют, и ни днем, ни ночью не побудешь наедине с собой!..» Я, конечно, ринулся возражать: дескать, никто не командует, и побыть в одиночестве – всегда пожалуйста, тем более, что кругом луга нетронутые и лес до самого моря; а множество родных людей, готовых в любую минуту прийти на помощь, не только не угнетает, но, напротив, несет душе покой и гармонию. Арам презрительно пожал плечами: «Чудаки! По-моему, с каменного века молодые люди только и смотрели, как бы удрать от стариков и зажить своим домом. Одни вы гребете против течения. Сектанты какие-то!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.